

раторское изображение варварской работы. Величина головы не пропорциональна туловищу.

Для нас интересна обратная сторона моливдовула своей надписью: [+] ΤΩΝ ΑΝΔΡΑΣ ΔΟΝΤΩΝ ΣΚΛΑΒΩΝ ΤΗΣ ΒΙΟΥΝΩΝ ΕΠΑΡΧΙΑΣ +

В словах τῶν ἄνδρας δόντων Панченко видит выражение обязанности славян давать государству воинов. Самый памятник, на основании иконографических и исторических данных, Панченко считает возможным совершенно точно датировать 650 г. Эта дата в истории Византии имеет немаловажное значение. К 650 г. Сирия с частью восточной Малой Азии и верхней Месопотамией, Палестина, Египет и часть византийских северо-африканских владений уже были под властью арабов. Главной опорой империи теперь стали Малая Азия и Балканский полуостров. Отсюда становится понятным появление самостоятельной организации среди славян Малой Азии. Империи нужны были воины, и поэтому со славянами пришлось считаться, как с такой организацией, которая может снабжать войском. Славяне получают право иметь свою собственную печать.

А. Вишнякова

Я. И. ГУММЕЛЬ, Раскопки в Нагорно-Карабахской автономной области в 1938 г. Отдельный оттиск из «Известий Азербайджанского филиала Академии наук СССР» № 4 за 1939 г., стр. 77—90, изд. Азфан. Баку.

Научным сотрудником Азфана Я. И. Гуммелем за последнее десятилетие проделана большая работа по изучению далекого прошлого западного Азербайджана, весьма богатого археологическими памятниками.

Работы Я. И. Гуммеля характеризуются точностью применяемых методов раскопок, последовательностью и систематичностью в изучении памятников материальной культуры края.

Рецензируемая статья является только предварительным сообщением о некоторых результатах археологических исследований, проведенных Я. М. Гуммелем в 1938 г. Из упоминаемых в статье объектов особого внимания заслуживает клад, найденный близ сел. Киркиджан, и один курган, вскрытый в том же районе и названный автором «Степанакертским курганом № 103». Клад состоит из различных бронзовых предметов (топоров-секир, браслетов, наварший, украшений) и 6 кг сердоликовых бус. (Клад поступил в Азфан.) Все предметы клада, как и другие вещи из других описываемых памятников, даны в 6 таблицах.

В подробное описание всего материала включены данные о размерах и весе отдельных предметов. Некоторые образцы иллюстрируются аналогиями, к сожалению, не выходящими за пределы западного Азербайджана. Автор делает ссылки либо на собственные работы, либо на работы Реслера. Между тем, осуществляя хотя бы предварительную публикацию столь интересных памятников, автор должен был бы сделать попытку более точного определения их.

От точных датировок автор воздерживается. Он предпочитает пользоваться относительной хронологией, распределяя изучаемые им памятники по типологическим признакам керамики. При нынешнем состоянии вопроса о времени и месте, занимаемом азербайджанскими древностями в общей системе древностей Закавказья (я имею в виду связь закавказских древностей, в том числе и азербайджанских, с памятниками Урарту), подобная осторожность кажется уже излишней. Автор сам лишает себя отправных точек в изучении истории края.

На стр. 80 автор пишет: «Изящно изготовленные изделия найденного клада, в особенности бронзовые, свидетельствуют о значительном развитии и специализации ремесла в определенный период жизни доклассового общества в Карабах» (подчеркнуто мною.—Е. К.). Мы знаем, что этот период

был периодом существования Ванского царства, в состав которого входила и часть советского Закавказья. Поэтому нужно считать простым недоразумением утверждение автора, что и Киркиджанский клад и ряд других близких ему памятников следует относить к «эпохе развитой бронзы» (стр. 78, 80, 88). Его «эпоха развитой бронзы» — это эпоха перехода от бронзы к железу, эпоха оформления государства Урарту, т. е. начало I тысячелетия до н. э.

Исключительно интересным и новым памятником Закавказья является Степанакертский курган № 103, содержащий коллективное погребение. 48 костяков, обнаруженных в нем, имели различные ориентировку и положение. Мнение автора о разновременности захоронения в кургане требует большей четкости в формулировке и аргументации. Автор совершенно правильно считает этот курган относящимся к эпохе, предшествующей бытованию вещей из Киркиджанского клада. По абсолютной хронологии это будет II тысячелетие до н. э. На эту дату указывают погребальный ритуал и керамика, найденная в кургане.

Киркиджанский курган № 102, содержащий несколько ограбленных каменных ящиков, все же дал некоторый материал (главным образом, украшения), относимый автором к более поздней поре, нежели время захоронения клада. Этот материал также не стоит особняком среди местных древностей.

Ряд мелких замечаний, которые вызывает работа Я. И. Гуммеля, сводится к следующему:

1) Неясна нумерация исследуемых памятников: что, например, означает курган № 103? Если это общий порядковый номер всех исследованных им памятников в разных районах, то такая система, конечно, не может быть признана целесообразной.

2) Из текста не видно, какие из четырех могил в кургане № 102 являются основными и какие более поздними, впускными (стр. 80).

3) Почему «закрученную, наподобие веревочки, дугообразную проволоку с загнутыми в колечко, суженными концами» просто не назвать шейной гривной, чем этот предмет в действительности является (стр. 78).

4) Нет сведений о входе в могильную яму Степанакертского кургана № 103: выходит ли он на поверхность, или пол входа находится на одном уровне с полом могилы?

Рецензируемая статья Я. И. Гуммеля знакомит читателей с новыми памятниками Азербайджана и является весьма ценной информацией для историков-кавказоведов.

К статье приложены резюме на азербайджанском и армянском языках.

Е. Крупнов

А. М. ЗОЛОТАРЕВ, Родовой строй и религия ульчей. Дальгиз, Хабаровск, 1939, 203 стр., тираж 2000 экз., цена 5 р. 70 к.

Эта книга представляет собой ценный вклад в этнографическую литературу о народах советского Дальнего Востока. Небольшой народец, быту и верованиям которого она посвящена, — ульчи — принадлежит к числу наименее известных. Из прежних авторов, писавших о народах Амура, одни не умели отличить ульчей от их соседей, гиляков, которым они действительно близки по культуре (но не по языку); другие упоминали об ульчах — под именем мангунов — более или менее вскользь. А. М. Золотарев прав, указывая, что его книга — в сущности первое специальное исследование, посвященное этнографии ульчей.

Во введении автор дает краткий исторический очерк народов нижнего Амура, начиная с древнейших времен. На первый взгляд может показаться, что такая широкая историческая перспектива в качестве введения к изучению крошечного народца в 700—800 человек — излишня. Но это не так, ибо автор наглядно показывает, что в состав ульчей вошли этнические и культурные элементы самого разного происхождения